

Дмитрий Адамидов

Замкнувший электровеник

Международное общество А.П. Чехова
Союз писателей-переводчиков
Московская городская организация
Союза писателей России
Москва
2011

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)6
А28

Адамидов Д.

А 28 Замкнувший электровеник : Сборник стихотворений. — М. : Московская городская организация Союза писателей России, 2011. — 120 с. : ил.

ISBN 978-5-7949-0005-7

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Д. Адамидов, 2011
© Ф. Владимиров, иллюстрации, 2011
© Московская городская организация Союза писателей России, 2011

(ЗИМА) БЕЛАЯ ТЕМНОТА

ТАНЕЦ БЕШЕНОЙ ЛЯГУШКИ

Когда часы пробьют двенадцать
И снег завалит все опушки,
Все мостовые, тротуары
И всяку прочую фигню,

Я только для тебя станцую
Свой танец бешеной лягушки,
Я буду петь, кричать и топать,
Покуда стол не уроню.

Потом меня, быть может, скрутят,
Вдобавок настучат ногами
По голове. И я затихну,
А может, даже и засну.

И будет мне, наверно, сниться,
Как мы бредём с тобой снегами
Посередине Антарктиды
И как встречаем там весну.

ПИСЬМО ДЛЯ ОТПРАВКИ ЗИМОЙ

Пустота гламур-мажора
И засилие бродскизма —
Это всё, что мне осталось.

А ещё — дожить до лета
Или просто до момента,
Когда ты ко мне приедешь.

ПИСЬМО ОТ КАЯ

*соответственно Герде. Лет примерно
через 10—15 после неудачной попытки
освобождения*

Ну пусть растает, если умеет,
А если сможет — так пусть не болит.
Скажи, как герань твоя? Зеленеет?
У бабки прошёл ли радикулит?

А тундра и летом вся в белых пятнах,
И снег уже видеть неважно,
Не то чтобы здесь как-то очень приятно,
Но я теперь очень ценю немоту.

Чего уж чего, а её тут навалом,
И королева не достаёт.
Она и сама в удивленье немалом
Сидит и ждёт: растает ли лёд.

Ну пусть растает, если сумеет.
Но холод... и ночь, видно, слишком
светла.

Спасибо за диск. Меня чуть согреет
Твой «Комитет охраны тепла».

ПОЧТИ ВЗРОСЛОЕ ПРО ЛЮБОВЬ

Ты пишешь хотя бы для себя.
А я... для той, с тёплыми бесстыжими
глазами,
В которые падаю всё глубже день ото дня,
Оставляя стихи-зарубки на стенках колодца.

Не особенно, но всё же надеюсь,
Что по ним найдут хотя бы мой скелет
Когда-нибудь...

БЕЛАЯ ТЕМНОТА

Немота свалилась так внезапно,
Я охрип, шепчу сквозь снегопад,
Что уходит время безвозвратно,
Что тебя я видеть очень рад.

Скоро снег совсем засыплет крыши,
Кроме наших. Не найти нигде.
Их снесло давно... А ты не слышишь,
Ты идёшь по белой темноте.

БАЮЛЬНАЯ № 1

В тот день, когда каждому воздадут
по его вере,
Когда кто-то пойдёт к чертям,
Кто-то — к облакам
Мстить за прошлые и будущие обиды,
Я, наверное, выберу берег той медленной
реки,
Где живут то ли гномы, то ли просто малыши
(вспоминается почему-то детское слово
«пурзи»)
В разноцветных колпачках
И играют в свои непонятные игры.

Мне тоже дадут идиотский цветной колпак,
И я буду смотреть на реку, сидеть
на пригорке
И ждать тебя, когда ты прилетишь,
обернувшись то ли феей, то ли Бабой-ягой, —

Словом, всё будет так же как здесь
Только времени больше
И надежды... хотя бы чуть-чуть.

ПРОЩАНИЕ С ЗИМОЙ

Серые клочья неба
Намокли в стакане с чаем,
И в сладостях отчего-то
Явственно слышен миндаль,
Весна идёт молчаливо,
Как будто не замечая
Простуженные тротуары,
Асфальта грязную сталь.

Жизнь сыплется по секундам
Бессмысленно, бестолково...
А помнишь как, выла вьюга,
Как ты кричала во сне?
А нынче город простужен
И пьяный слегка участковый
Бредёт по стали асфальта,
Собой довольный вполне.

(ВЕСНА) ХРОНОГРАФ

1988 — ПОТЕРЯННЫЙ ТАНЕЦ

Непонятно, какой танец,
Но хотелось в нем кружиться,
Чтобы не держали ноги
В наслажденье на кровать,
Чтоб уже совсем под утро
Брякнуться (а не ложиться),
Так и жить: как шмель в полёте,
Ну а спать — как умирать.

Ночь расцвечена огнями,
День пропитан пряным духом,
Путает секунды вечность,
И всё врут календари,
Обручён навек с метелью
То ли снегом, то ли пухом.
Я кружил с планетой вместе
В одном ритме: раз, два, три.

Мне б теперь хоть пол-процента,
Хоть бы жалкие промилле,
Слабый отзвук тех оркестров
С их немислимым туше,
Но, увы, забыты танцы.
Как мотор в автомобиле,
Старом, вдребезги разбитом,
Плачет ночь. Adeux. Sher she...

1989 — ФАДО, ФОНДЮ И МЕТРОПОЛИТЕН

Тогда ещё он думал, что сигары —
Свидетельство порочности натуры
И что фондю, есть португальский танец,
Ну как фадó иль что-то в этом роде.

Тогда ещё ценились менестрели
(Они чуть реже пели под фанеру)
И в магазинах не было портвейна,
И оттого фадó не приживалось.

Тогда ещё чурался он парадных
И в дождь стоял под окнами твоими.
Он помнил: ложь есть порожденье лестниц
И узких коридоров коммунальных.

Тогда ещё его я видел часто.
По городу слонялись мы бесцельно,
Он о тебе и говорил и думал.
Я не мешал, мне было интересно.

Тогда казалось — это будет вечно,
А кончится — так что-нибудь другое
Придумается вдруг, и мы смеялись,
Вальяжно плыли в метрополитене

(Тогда ещё машины были роскошь).
А что теперь? Да всё переменялось,
Но знаешь, не хотел бы я об этом,
Вернёмся, может, лет через пятнадцать —

Тогда сей день нам будет представляться
Исполненным особенного смысла,
Наполненным до края тихой песней.
И мы вздохнём, чуть слышно напевая,

Точь-в-точь как мы сегодня вспоминаем
Тот день осенний в том году счастливом,
Что зашифрован в пыльных картотеках
Так странно: «девятнадцать-восемь-девять».

1990 — ЗАВЕТЫ ИЛЬИЧА*

Вообще, если бы не последний куплет, это был бы вылитый Василий Андреевич Жуковский. Но... видно, не судьба

Стук поезда, писк комара...
Нам некуда спешить, сестра.
Мы в блике лунного луча,
Мы здесь. Заветы Ильича.

Посёлком старым мы идём,
Деревья мокнут под дождём,
А вот и дом. В окне свеча
Горит. Заветы Ильича.

* Заветы Ильича — это название посёлка городского типа и одноимённой ж/д станции в Московской области по Ярославскому направлению.

Вокруг, однако, жуткий мрак.
Нам не избавиться никак
От тяжких дум. В окно стуча,
Молчим. Заветы Ильича.

Никто не ждёт с тобой нас здесь.
Из радио несётся песнь,
Уныло, сумрачно журча,
И кровь почти не горяча.

Видать, и нам пришла пора...

Опять портвейн? Три топора!
(Ну, наливай, не спи сестра!)
Всё будет: румба, ча-ча-ча.
Мы здесь. Заветы Ильича.

**1991 – ПИСЬМО
О СОЛНЕЧНОМ ЗАЙЧИКЕ**

Чистыми белыми ладонями
Коснись солнечного зайчика.
Он улетит ко мне
Через белую-белую зиму.

Я сохраню его,
Чтобы отдать тебе при встрече
Вместе со звездой с неба,
Что ты забыла в прошлый раз

(она давно уже ждёт тебя...
дольше и сильнее жду только я).

Приезжай скорее.

И при этом напеваешь
то ли «Браво», то ли «Пикник»,
А может быть, вообще арию из
року-оперы
«Павлик Морозов — суперзвезда».

1993 — ТАК ВЫШЛО

Ничего не вспомню,
ни имён, ни дат.

Чуть войны не приключилось?
Может быть... вполне.

Что я делал целый год?
Не поверишь, брат:

Только трахался, да спал,
Да летал во сне.

1994 — КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, просто спи,
телевизор-фигляр
Несёт обычную хрень.

Ночь на дворе, и уже
В футляр спрятался
Сумрачный день.

Спи, просто спи
И во сне смотри,
как облака плывут,

И согласишься, что
Там небо горит
совсем не как наяву.

Пусть тебе снятся
Рыбы в пруду
И что захочешь ещё,

Пусть во сне ёжик
Играет в дуду и
Вкусно пахнет борщом,

Спи, просто спи,
Тонок ночи покров,
Скоро споют соловьи,

А я не сплю,
Я не вижу снов —
Я берегу твои.

1995 — ПОРТРЕТ

Она зналась с лисой. И с богом-ракушкой
Всё о чём-то (обычно по средам) беседы вела
И во сне рисовала. А холсты под подушкой
Поутру высыхали. Палитра по небу плыла,

На неё он смотрел. И с несвойственным
оцепененьем
Наблюдал за порханием красок, фиксируя
каждый взмах.
Так прошла сотня лет. Он отвлёкся лишь раз
на мгновенье —
И исчезло вдруг всё. Он остался один и
впотьмах.

Он почти не кричал, в общем даже не сильно
озлился.

1996 — СТАРАЯ СКАЗКА

Сказку тебе?

Да, в общем, и не сказку,

Просто не хочу, чтобы ты грустила,

Потому и назвал сказкой.

Если хочешь — не верь ни единому слову —

Всё вранье и выдумки,

Но если сможешь — всё-таки поверь,

Потому как всё правда.

Мы все ищем что-то.

Даже в любви

Или в том, что привыкли

понимать под этим словом, —

Кто-то славы, кто-то сладости,

кто-то забвения.

А однажды было так — наверное, где-то
в космосе
Летала себе душа.
Ну просто... без особой цели.
Потому как космос.
Что не полетать?

А потом случилось ей вдруг попасть
В сферу земного притяжения,
И сказали ей откуда-то Сверху
(а может, сбоку, но игнорировать
это все равно было нельзя).
«Ты слишком велика для этой планеты.
Даём тебе два тела. Разделяйся».

И долго ли, коротко ли,
А душа разделилась
Почти пополам.

И каждая половинка получила своё тело,
И развели их (может, от греха подальше,
может, просто так получилось)
На сколько-то там часовых поясов,
На разные полюса, на разные компании
и вообще на всё разное,

Ну чтобы даже если встретились,
То прошли мимо.

И долго ли, коротко ли
было ходить половинкам порознь,
То никому неведомо,
Если б не случай.

Знаешь,
Ведь всегда,
Что бы я ни делал,
С кем бы чего бы ни замышлял,
Оставалось что-то холодное
Где-то за левым плечом —
видимо, там, где распилили пополам
душу,
Словно бы и не совсем со мной всё это.

А когда я (странно, я ведь даже
не вижу тебя) —
когда я просто говорю с тобой,
мне так нежно и тепло там, где должно
быть сердце

(оно ведь, как ты говоришь, давно
на полу валяется),
и я, похоже, знаю, где прячется вторая
половинка
моей души, которая когда-то была слева.

Грустно во всём этом только одно:
когда я тебя увижу,
Души наши слипнутся ровно по старому
шву
И они опять мучительно будут рваться,
когда придётся расстаться (даже если
на миг).

Правда, во мне останется ещё одна
частичка тебя,
А в тебе — частичка меня,
И мука эта будет вечной.

Но вечная мука лучше вечной тоски.

1997 – МАЙСКОЕ

Звук последнего листа,
Что весну почти проспал,
Прорастает торопливо
Сквозь колючие кусты.

Звук последнего листа,
Я тебя так долго ждал,
Без тебя мне сиротливо
Среди майской суеты.

Не забудь зарисовать
Иль запомнить (это ж звук!),
Не забудь и мне прислать
Эсэмэс-кой, если вдруг

Буду где-то далеко
Средь пейзажей и руин,
Буду где-то глубоко
Среди красок и картин,

Буду просто сам не свой
С гнева или от любви,
Буду вовсе не живой,
Всё равно ты мне пришли.

Я услышу — востепенюсь,
Я увижу — жизнь пуста
И домой опять сорвусь
В звук последнего листа.

1998 — СЫН ОШИБОК ТРУДНЫХ

Чем-то
Неуловимо напоминающим
Иголку

Он ткнул себе в область щитовидной железы,

Надеясь наколоть душу,
Всё-таки изловить её
и как следует рассмотреть,

Но опять пошла только кровь.

1999 – ЧАЕПИТИЕ

Так странно ощущать,
Как сердце замирает
Всегда, когда тыходишь.
А ну, войди ещё!

Опухшая зима
Квадрат окна качает.
Ты чувствуешь тепло?
А мне так горячо.

Я страшен и ревнив,
Страшнее, чем обычно.
Ты где была сейчас?
А ну-ка отвечай!

Садись ты за стол
В молчании привычном
И только говоришь:
«Кто выпил весь мой чай?»

Действительно, чай весь
Сейчас заварим новый.
И снова в спешке пальцы
Обварит кипяток.

Пока чай не допит,
Со мной ты, и я снова
Смотрю во все глаза
В вечерний чайный смог.

2001 — RIDERS ON THE STORM-2

Он всё-таки ушел. Как и обещал — во время
бури.

Потом буря кончилась.
Потом ушли все Те, кто мог это видеть.
Кроме Тех, кто сидят на звёздах и всё помнят.
Но со звёзд это плохо видно, правду говоря.

А потом пришли люди,
Назвавшие себя художниками и
последователями,
И сказали, что всё было не напрасно,
И что это был Бунт,
И что герыч лез у него из ушей не просто так.
Что это было Испытание, Жертва,
А буря была Очищением. А он сам —
Ангелом.

Потом пришли другие и сказали,
Что он был дьявол
И саму память о нём надо стереть
как можно скорее.

А потом всем стало всё равно.
И пришёл внук одного еврея из Бердичева,
который решил снять про это фильм,
Даже сразу два фильма.
В одном он предстал бы ангелом,
А в другом — дьяволом.
На всякий случай. Управление рисками.

Эти фильмы потом показали везде.
Даже в Бердичеве.
Но копия была плохого качества, и никто
ничего не понял.
Все пожали плечами и пошли на концерт
Чего-то непотребного — вроде группы
«Мираж».

А потом он вернулся.
Снова была буря, но не такая сильная.
В том месте, куда он вернулся, не бывает
сильных бурь.

Я был при этом и спросил его:

«Как было там, внутри?»

Он ответил:

«Так же, как и снаружи. Только время зря
потерял.

Интересно, многое здесь изменилось?»

Очень многое...

2002 — ДИЗЕЛЬ-ЭЛЕКТРОПОЕЗДУ

Его Величеству
Дизель-электропоезду

Этой ржавой телеге
С выбитыми стёклами
И перекошенными дверьми,
Сломавшей мою жизнь
И убившей веру в человечество,
Месту, где насилуют,
дерутся, пьют, сплетничают
и провожают сальными взглядами
всё, что выглядит менее 56-го размера.

Посвящаю я свою отчаянную молитву.

Да будут здоровы твои колёса
И ходовая часть,
Истосковавшаяся по капитальному ремонту
(В то время, пока глумливые генералы
в новеньких штабных вагонах
созерцают свой пуп по масонскому ритуалу,
ожидая фиванского света),

Ибо если бы не ты, старая развалина,
Я никогда бы не попал туда,
Где встретил и потерял свою Любовь.
Будь счастлив...

2003 — ОТВЛЕЧЁННЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ДЕВАХ

Девы, что, допустим, в Петербурге
Томно млеют с пахитоской на балконах,
Озирая чуть уныло и надменно
Исторических ландшафтов кружева,

Вряд ли скажут мне: о господи помилуй,
Наконец-то ты пришёл, противный,
Поднимайся поскорей, квартира восемь.
Как же долго, подлеца, тебя ждала.

Также девы, что в Москве несутся быстро,
Презирая постовых и светофоры,
Вряд станут тормозить посередине
Пускай даже и Садового кольца.

В девять в клубе, а в одиннадцать на стрелке,
И ещё заехать надо в супермаркет.
Что теперь ломать к чертям всем график?
Да ещё из-за такого подлеца?

Я не то чтобы совсем бреду понурый —
Уже всё-таки привык: не год в балете.
Только как-то грустно это и уныло,
Донжуаном вряд ли выйдет стать.

Я — домой, со мной ноль-семь забвенья.
Нерастраченные знойные куплеты
Вместе с почти чистыми носками
С подлецом в обнимку рухнут на кровать.

2004 — Я ТЕПЕРЬ ВОДА

Я теперь вода,
Я журчу у камня.
Как я здесь? Бог весть,
Не куском ли льда?

Когда камень с гор
или с неба плавно
В воздухе парил?
Я теперь вода,

Моя кожа дым,
Эти руки — плавни,
Моя кровь — вино.
Будет так всегда.

Лишь на сердце лёд
Да осколки камня
Купрум-молибден.
Я теперь вода.

Мне теперь висеть
Каплей на ресницах,
Мне теперь стучать
Дождиком в ночи,

Меня льют да пьют,
Умывают лица,
Мне теперь плевать —
Сердце не стучит.

Мимо ты пройдёшь —
Я скажу: ну славно,
Я скажу: прощай,
Нет во мне стыда.

Мне лицо как дым,
А глаза — как ставни,
Нынче всё равно —
Я теперь вода.

2005 — СПЛАЧЬ

*Посвящается всем однокашникам,
кто не дожил до 15-летия выпуска школы*

Сплачь мне танец свой,
Ну сплачь,
Как оно всегда бывало,
Как, бывало,
Доставала
Девочка из речки мяч.

Образ яркий, но пустой,
И от водки
Губы в перце,
На душе тихонько
Скерцо
Издыхает...
Сплачь, не стой.

Отчего ж нельзя никак
Нам сейчас
Немножко света?
Опершись на
Холод лета,
Мы рассеяли бы мрак.

Сплачь мне танец,
Не спеши,
Ведь наш срок
Не так уж скоро.
Ты порхаешь
Терпсихорой
В плотных грядках
Анаши.

**2006 — ПИСЬМО
ОБ УМЕРШЕМ ВЕРЛИБРЕ**

Почему-то, читая твои стихи, скорей
вспомнишь Брейгеля, чем Лотрека.
Почему измусоленные слова так чисты и
прозрачны в твоих устах?
Говоришь, что пишешь ты для себя, но
каждый раз, когда слышу это,
Понимаю, что долго шёл за тобой, но вот
почему-то взял и отстал.

Ну а теперь... а что теперь? Теперь как вчера
и как было раньше,
Я вот опять написал тебе на малопонятный,
тухлый размер.
И как Алисе в Стране Чудес мне с каждым
шагом «всё страньше и страньше».

Верлибр кончился, а потом... пойдёт,
наверное, гекзаметр.

Да бог с ним с ритмом, я о другом. Про то, что
сердце сказать стремилось,
На что опять не хватило слов (одни только
вздохи да охи, вода...).

Больше всего я б сейчас желал, чтоб это
письмо у тебя очутилось,
Но твердо знаю я также и то, что не отправлю
его никогда.

2007 — ЧУВИЛОВУ АЛЕКСЕЮ

Я куда? Я обратно,
Не глядя в глаза,
впрочем, под ноги
Тож не особенно глядя,

Намотавшись по блядкам,
Как та стрекоза.
Красно лето пропито
На озера глади.

Я домой. Я туда,
Где уже тишина,
Где уже мало кто
Обо мне вспоминает.

Я домой. Я туда,
Где старуха весна
Тёплым мелким дождём
Тротуар поливает.

Наши здесь с тобой тени,
Здесь памяти склад,
Потерявшее смысл,
Кладбище мегабайтов,

Прошлогодний здесь снег,
Ярко-синий закат
Полыхает в ночи...
Звезды всех порносайтов,

Покидая бордели,
приходят сюда,
Чтобы мирно дремать
в обстановке домашней,

Чтоб сберечь своё
Светлое злое вчера,
Собирая грибы
У Останкинской башни.

Я туда, где ходили,
Не чувствуя ног,
Натирая мозоли
До самых коленей.

Я теперь здесь один,
Ты ж на небе. Сварог,
Я надеюсь, оставит
Достаточно время,

Чтобы смог поболтать ты
С Кирюхой, с Сашком,
передай им привет,
Я немного скучаю.

Я не знаю, как скоро...
Но сядем кружком
И напьёмся мы вдоволь
Небесного чаю.

2008 — СОН ПРО ВОЛШЕБНЫЕ СЕРЁЖКИ

Говоришь, волшебные серёжки
Были на ней, когда она прыгнула с обрыва?
Потому и не разбилась?

Может, просто на дне был тот мягкий
зелёный песок,
О который невозможно расшибиться,
Или запойный старик каскадёр с
«Мос(или бог знает какого)фильма»
Научил её своим фокусам: падать-но-жить.

А может, кто-то очень сильно любил её и
успел подставить руки?
А серёжки здесь совершенно ни при чём...
Да ладно... сам знаю, что так не бывает.

Но как тогда объяснить, почему мне вот
уже год
Каждую ночь снятся эти волшебные
серёжки?
Они просто мерцают во тьме, и ничего
больше не происходит.

Всё на свете можно объяснить, в том числе
и сны,
Но... сейчас что-то не хочется. Пусть
остаётся как есть.

2009 — К Ю. А.

Если надо — я прикинусь, что жив.
Если хочешь — то смогу и подпеть
Твою песню... хоть кривы падежи
И «любовь» не в рифму там слову «смерть».

Я не знаю, что ещё говорить,
Я вообще всё позабыл от и до.
Мы, наверное, опять станем пить
И, конечно, потеряем пальто.

Только это бесполезный разгон.
«Мы набъём картошкой старый рюкзак?»
Но никто не спросит нас: «Что за гром?»
Никому не скажешь: «Это всё так...»

Вероятно, весь костёр прогорел,
А баркас давно затёрло во льду.
Ты, мне кажется, один уцелел,
Ну и я... можно сказать...
.....щас иду!

Словом, если надо — я подпою.
Что, мне трудно?.. Да и не в первый раз.
Тебе нравится *«стоять на краю»*.
Стой-смотри, пока закат не погас.

Дальше будет, как обычно, темно
И картонная опять пустота.
Этого не объяснить всё равно.
Пусть хранит тебя твоя слепота!

2010 — ЗАМКНУВШИЙ ЭЛЕКТРОВЕНИК

Замкнувший электровеник парит над рекой
Москвою.

Рок-группа «Опухший тезис» даёт
последний концерт.

Как видно, приходит осень с её унылой
тоскою,

И только свистки потового срываются на
фальцет.

Не тыкай в меня пинцетом, я в принципе ещё
в силах,

Хотя и на морду зелен, и реже вдруг стал
дышать,

Но это в целом не важно: хоть здесь, а хоть
на Курилах

Мы можем легко повидаться и так же легко
рассказать

Обычные свои враки про смысл и вымысел
жизни,
Про пирамиды майя, про девок, про самолёт.
Потом, конечно, напьёмся, и справим по
чём-нибудь тризну,
И будем слушать, как группа «Клёпанный
чайник» поёт.

Потом ещё ты мне скажешь, что в мире
остались лазейки,
Что скоро грядёт свобода и что, мол, вот уж
тогда!..
Но я тебе не поверю. Глянь лучше: во все
батарейки
Замкнувший электровеник кружит
незнамо куда.

(ЛЕТО) АДРЕСНЫЙ СТОЛ

А когда сидеть было трудно — тогда лежали
и пели,
тоже о чём попало.

Папаша Фрикадель знал, как слова крепятся
к музыке: он мог рассказать любую песню и
спеть любую историю.
Музыка любила его, а он любил «Аквариум»
и «King Krimson».

Знаете ли вы, что такое счастье?
Счастье — это когда папаша Фрикадель раз-
любил «King Krimson». Потому что и одного
«Аквариума» было более чем достаточно.

Так было довольно долго. А потом что-то слу-
чилось — то ли с музыкой, то ли с чаем, то ли с
Папашей Фрикаделем. А может, всё осталось
как есть: просто я свою дозу уже исчерпал и
оглох. Никто не может это знать наверняка.

С тех пор что бы я ни делал — это всё равно
будет блюз.
Мы и сейчас раскланиваемся с Папашей
Фрикаделем, но затем проходим сквозь друг
друга, как будто впереди ничего уже и нет.

Выход, вероятно, только один —
наплевать и забыть. Наверное, так.

Знаете ли вы, что такое счастье?

Счастье — это когда ты помнишь только о
том, о чём хочешь. А не обо всём подряд.

**СТ. ПЕРЛОВСКАЯ ЯРОСЛАВСКОГО
НАПРАВЛЕНИЯ МЖД
(ИНТИМНО-ЯПОНСКОЕ)**

Женщины бёдрами
Знойно виляют.
Лето — не осень,
А всё же
(где стыд-то?).

Жаль, не достать
(и стекло бить придётся)
Злая судьба...
Электричка отходит.

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПЛОЩАДЬ, Д. 3

*«Раунд. Рондоле. Рондола
Роскошная раскатистая руна...»*

Ёбанные торчки Моррисон и Берроуз, вы когда-нибудь отвяжетесь от меня?

Уверен, что не сегодня.

Мы едем вечером по железной дороге, и дизель-электropоезд (совершенно новый и чистый) умудряется так скрипеть на поворотах, как будто ему 100 лет.

По обочинам полотна явственно видны разбросанные улыбки и смех. В том числе и наш: помнишь, встречали Новый год в Правде, там ещё была старая умная

лайка, которая сожрала весь шашлык.
И все остались без закуски. И напились до
изумления. И играли в футбол со звёздами.
Которые на небесах. Помню еще ничья была
3 : 3.

Но теперь почти все улыбки в прошлом.

Нынче на повестке дня всё больше слёзы,
горе, сопли и кровь, которые почему-то
всегда остаётся внутри вагонов, вернее,
внутри тех, кто внутри них. Поэтому нет
более депрессивного места, чем дизель-
электropоезд. Поэтому каждый стремится
занять место у окна, прильнуть к стеклу и в
миллионный раз смотреть на опостылевшие
пейзажи, перебитые посередине серым
забором. В поисках хоть какого-то подобия
прошлого или будущего счастья. Песен
группы «Кино» или «Звуки Му».

«Проснулся я ночью, часа эдак в два...»

Здесь все невольно говорят не своими,
а чужими словами, цитатами.

Граф Толстой неоднократно утверждал, что вся наша жизнь — это одна большая железная дорога.

Моя мать посчитала нужным уточнить, что вся наша жизнь — это Ярославская железная дорога. И угораздило же её после этого произнести приворотное заклинание. Хотя в мире есть и более удивительные вещи, вроде самолётов (как они летают, если много тяжелее воздуха?) или чёрных дыр, в которых прячутся злые белые карлики, в том числе Моррисон, и Берроуз, и этот третий, я забыл, как его зовут. Про которого сказано:

«Дурачок был славным малым... Он знал Исуса Ньютона Морганфильда и меня...»

Оттуда они разрушают наш мозг своими выходками, но неправильно будет считать, что им это доставляет удовольствие. Просто каждый путь должен быть пройден полностью, ни их, ни тебя никто не спрашивает, хочешь ты этого или нет.

Поэтому не стоит обольщаться словам машиниста — «следующая конечная — Ярославский вокзал». Но знаешь, я уже давно ни на что не обращаю внимания и не сержусь, хотя, проходя сквозь вокзал, стараюсь по возможности глядеть в небо. Где всё ещё виден небольшой кусок Родины, не засыпанный мусором и дурно пахнущими понтами и не имеющей никакого отношения ни к одной железной дороге.

**КАРЕТНЫЙ РЯД, Д. 3
(САД ЭРМИТАЖ)**

Улыбалась чему-то внутри,
Что в слова никак не обратится.
Засыпала у самой зари,
И во сне пели жёлтые птицы...

Как ни странно, я там тоже был
И купал своё сердце в рассвете,
Ни о чём не жалел, просто плыл
Рядом с нею во сне, в жарком лете.

ЛУЧНИКОВ ПЕРЕУЛОК (ВЕСЬ)

Отчего ты такой тихий, брат,
Мы как будто нашли что искали:
И следующий виски-бар, и прохладный
сумрак

В самом сердце дьявола
Между Маросейкой и Лубянской.

Чего ещё?

Ты всё грустишь о ней?
О том, что вы разминулись во времени
Оставаясь вместе бок о бок многие годы,
Вчера было слишком рано,
сегодня слишком поздно.
И что теперь кричать,
Равно как и молчать друг на друга?

Теперь ты медленно утопаешь внутри
собственных мыслей и не видишь
как лениво восходит солнце.

Нигде, кроме как в глубине сердца дьявола,
нельзя понять, как оно красиво
И почему мы все умрём не очень вовремя.

Я в этой связи сожалею только об одном:

Что не смог объяснить тебе,
Что любовь может быть
не только слепой,
Но и зрячей,
Когда ничего не поздно
И ничего не много.

**КАМЕРГЕРСКИЙ ПЕР., Д. 2
(ДОЖДЬ В КАФЕ)**

Женщина,
сидящая в кафе имени глухой азиатской
тоски,
не гляди с надеждой на официанта.
У него, конечно, тоже сердце пополам,
Но (увы) на уме давно одни только чаевые.

Он не жалеет никого,
Как и дождь,
Который равнодушно смывает косметику с
её лица
И краску с его купюр.

Совсем скоро он испортит и телефон,
На который я пишу эти глупости,
И ты уже никогда не узнаешь,
Что случилось дальше...

ПРОСПЕКТ МИРА, 120

По японскому ресторану,
Который раньше долго был овощным
магазином,

По ночам
Ходит дух грузчика дяди Васи
В поисках заначенной на опохмел
пятирублёвки Госбанка СССР
Которая теперь оказалась где-то
Между курящим и некурящим залами.

Дядя Вася теперь может видеть сквозь стены
и перекрытия
и хорошо знает, где именно лежит клад.
Но, увы, нет силы в руках,
А матом камни не раздвинешь, что очень
жаль.

Японский повар по фамилии Кавагути
(или Тамагучи?),
Недавно специально приглашённый
в ресторан,
Знает, что призрак приходит по ночам,
Ибо является потомком нинздя и лесной
колдуньи,

Но относит его появления на счёт
Отравления рыбой фугу в прошлом году,
Которое едва не закончилось плачевно для
заведения
(кто уж теперь вспомнит о клиенте?).

Он всерьёз думает о том, что
надо совершить жертвоприношение,
Дабы отвадить призрака,

Но, по правде говоря, это всё пустые
хлопоты.

Если бы отважный японец
Когда-нибудь
Набрался бы смелости
И перешёл на другую сторону
Перспекта Мира,

Я думаю, он напрочь забыл бы думать
про отравленных рыб и
алкашей-призраков

Перед лицом тех чудес, которые
существуют
На Той Стороне.

Важно лишь уметь их увидеть.

ПРОСПЕКТ МИРА, Д. 99 (КОВАРНОЙ)

Я лежал лицом в салате,
А потом ещё в десерте,
Но сердечное волнение
Мне унять не удалось.

Лети, голубь шизокрылый,
Прядь волос в пустом конверте
Принеси ты ей, коварной,
Чтобы тоже не спалось.

УЛ. МИЛАШЕНКОВА, Д. 13

Значение слова «время».

Время — это то, что убивает медленно.
Гуманно. Позволяя ощутить всю красоту
уходящего мира. Медленно уходящего мира,
подобно свету от не разбитого ещё фонаря
на улице Милашенкова, дом 13, корпус не
помню или 3, или 4.

В отблеске света и сейчас отчётливо видны
мы с тобой: мне 18, тебе, наверное, 33 или
34. Ты ждёшь, что тебя должны распять, как
Иисуса, я ничего не жду и просто смотрю
на фонари. Я всегда смотрю на фонари, это
одна из дурацких привычек, которая, кстати,
сохранилась до сих пор.

Свет — он не то чтобы чему-то учит, просто сквозь него лучше видно как прошлое, так и будущее. Вся беда в том, что сейчас мы с тобой на пике счастья. У каждого оно своё, но лучше уже не будет, и никто об этом ещё не знает, вернее, я тебе про это не скажу. Сейчас. Да и никогда, наверное.

Ты всё рассказываешь о временах, в которых сам не жил и которые знаешь по книгам. Но в твоих устах они представляются лучше, чем были на самом деле, этаким золотой век.

Мне приятно думать, что когда-нибудь всё будет так, как ты говоришь, и плевать, что свет фонаря с этим не согласен и подспудно что-то нудит и показывает уныло-срамные картинки.

Это сейчас не важно: ощущение счастья дороже правды. Мы ждём твою жену, потому что ты потерял ключи.

Нет, не так. Мы ждём твою жену, потому что ты любишь её. Так, как не любил никого

и никогда. Она скоро придёт, и мы станем пить кофе, хотя ни ты, ни я сроду не терпели кофе. Для тебя это любовь, ну а я — я просто так, за компанию.

Через 2 года она заболит, через 5 лет сопьётся, а ещё через полтора года и 13 дней ты поймёшь, что не можешь больше её любить. И мы снова будем стоять здесь же, у подъезда, просто потому, что тебе не будет хотеться идти домой. И бесполезно будет говорить о том, что я всё это знал заранее, ещё тогда: летом 1990 или, может быть, 1991 года. Я, собственно, и не собирался ничего говорить. Кроме одного: прости, если что не так.

СМОЛЕНСКИЙ БУЛЬВАР, Д. 3/5

Писано в июле, вспомнить бы число.
У нас гром грохочет, ветром нанесло.
Тормоза сломались, нужен сход-развал.
В небе вяло мечет молнии Баал.

Писано в июле. Да, среди дождя
Ты сказала, к небу очи возведя:
«Знаешь, надоело мне с тобой сидеть.
Всю весну тут пела, уж пора лететь».

Я подумал: правда, выгляжу ослом,
Дёрнул чёрт связаться... девушка с веслом.
Ну лети кометой к синеве-листве.
Середина лета... писано в Москве.

САДОВАЯ-КАРЕТНАЯ, Д. 2

Где-то очень далеко отсюда — скажем,
в Новоясеневе или Битцевском парке —
люди живут словно птицы — не зная ни горя,
ни сомнений,
отмеряя свою жизнь утренними и вечерними
пробками.

Адюльтером, пьянками и футболом
в выходные.
Но последнее — на любителя. А так — есть
ещё и хоккей.

Там тоже случается ветер, но он всегда дует в
правильном направлении,
и потому в тех краях редки печали.

Иное дело здесь — посреди последнего
приюта свидетелей и призраков чуть ли не
всех исторических эпох.
Где под ногами, куда ни ступи, вечно хрустят
побитые иллюзии и надежды.

Как в центре любого настоящего тайфуна,
здесь удивительно тихо,
и только ветер надувает в уши посторонние
мысли
и аккуратно наматывает бедных призраков и
свидетелей всех эпох
на мачты освещения и троллейбусные
провода.

Кстати говоря, троллейбуса фиг дождёшься.
Но сегодня я решил проявить упрямство.

Замерзать на ветру довольно скучно,
и я опять думаю о том,
что где-то действительно очень далеко
(даже дальше, чем в Новоясеневе)
ты сейчас, возможно, снова пишешь слова,
которые будут во мне биться и kloкотать,
наверное, до самой смерти,

и я, конечно, буду на людях ругаться
и проклинать тебя
на чём свет стоит
либо просто тупо молчать, делая загадочное
лицо.

Но на самом деле... на самом деле
иногда я очень жалею, что жизнь за МКАДом
всё-таки есть.
Хотя бы потому, что иначе ты бы не смогла
забраться
Куда-то туда, где всё очень далеко.

УЛ. КОНСТАНТИНОВА, Д. 5.

Последняя надежда на счастье может
Прятаться между газетных строк,
В интервалах телефонных звонков,
Наконец, в ожидании то ли осени, то ли
весны
(повод надеть когда-то фартовое
демисезонное пальто).

Одним словом, придумать можно что угодно
И примерно с одинаковым результатом.

Если идей нет — остаётся Интернет,
Но там тусуются в основном такие же.
Им подавай того, кто отмотает время назад
да ещё вдобавок расскажет как оно должно
Выглядеть — это самое счастье.

Мысленно подставляя лицо листьям
В предвкушении будущего листопада,

Я всё же никак не могу отделаться от одного
вопроса:

Что успел почувствовать один торчок
по имени Лёха,

Когда упал и умер на этом самом месте
Чуть больше года назад?

И что себе думал другой торчок
по имени Колян,

Который замешал ему передоз,
Вероятно, на этой самой лавочке
Во дворе ул. Константинова, дом 5.

Успели ли они увидеть счастье
Или тоже как все — больше делали вид?..

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПЛОЩАДЬ, Д. 4

Абсолютное одиночество обретается среди толпы, когда ты смешиваешь собственное «я» с тысячами других и в результате получается ничто. Чистое или смутное — зависит от погоды, давления, температуры и иных условий протекания химической реакции.

Но дело даже не в химии как таковой. Просто быть вместе — это отличный способ ничего не видеть и не слышать. Как раз то, что нужно именно теперь. И чем громче шум вокруг, тем дольше послевкусие тишины...

САДОВАЯ-ЧЕРНОГРЯЗСКАЯ, Д. 16

Просто видеть небо
Сквозь грязные окна
И блики фонарей,
Если это ночью,

И ещё — отражение тебя
То ли в окне,
То ли в облаках —
Всё равно где.

Тогда можно петь
про «Дом на колёсах»
или «Пусть печаль моя...»
на контрасте

И говорить о любой ерунде,
Кроме того, что
действительно важно
Сказать тебе.

Но пока разговоры
мои всё больше
о приятном
да о высоком.

Как-то так...

УЛ. ПОКРОВКА, Д. 6

Итак, что в итоге?

Свобода, к которой так давно стремился и наконец достиг.

Внутреннее одиночество и пофигизм, которые, как выясняется, неперемные спутники любой свободы.

Казалось бы: всё, что случится после, должно сильно украсить жизнь. Только это уже будет не вполне жизнь.

Всё, что нужно, сказано, всё, что можно, подсчитано, все дела так или иначе сделаны (как попало, но сделаны). Теперь остаётся только один выбор — либо немедленно

покинуть эту реальность, либо просто не дёргаться и смотреть в окно. Без разницы откуда — с улицы внутрь или из кафе наружу. Надо подождать минут пять или десять — если начинаешь видеть то, что происходило здесь какое-то время назад, значит, ты уже стал привидением. Если нет — сегодня просто не твой день: надо вмазать ещё стакан и идти спать.

(ОСЕНЬ) ВОЙНА ПОЛОВ

НЕБОЛЬШАЯ ПРОСЬБА НАПОСЛЕДОК

Стая подслеповатых демонов,
Неуклюже хлопая слабенькими крылами,
Едва поспевает за тобой.

Пожалей их, не лети так быстро,
Да и я ещё немного
полюбуюсь на тебя.

ЧАК МОЛЬ

Вчера он опять сжѐг своё сердце
Чтобы Чак Моль принѐс тебе пепел от него
И возложил на губы.

Позавчера он написал 10 000 стихов о тебе
И теперь хранит их под матрасом
Вместе с облигацией выигрышного займа
1982 года
И прядью чьих-то волос из роддома.

Сегодня, когда птицы собрались на север,
Он вскочил с постели и прокричал им,
Чтобы они передали тебе
(что-то неразборчиво о любви).

Словом, он всё такой же. Обожает всё
усложнять.

А ты... ты до сих пор пытаешься
Отомстить всем теньям преисподней,
Включая и мою,
Демонстрируя им пепел и крики птиц.

А я... я уже не могу изображать
хоть сколько-нибудь убедительное
подобие чувств. Хотя было бы заманчиво.
Но мой пепел давно унёс ветер,
Или из него у кого-нибудь выросло новое
сердце —
Не важно. Я сам хотел этого.

А ты... просто внимательнее взглядишь
В лицо Чак Моля,
Когда он в следующий раз принесёт
тебе очередную жертву.
Может быть, наконец ты узнаешь меня
И поймёшь хоть что-нибудь...

Пояснение. Чак Моль — почтальон бога. У майя алтарь, на котором сжигали сердца принесённой жертвы, представлял собой фигуру О48у Чак Моля. Считалось, что Чак Моль доставляет богам дым жертвы, принесённой людьми.

ХОККУ ЗНАЕТ ЧТО

Песня как песня.
Лишь смущённая улыбка
Видна между строк.
Откуда знаешь, что это тебе?

*(Автор названия – Бланка Франко.
У неё и своровано)*

ПРИЗНАНИЕ

Что изменилось с твоим появлением?

Только одно:

Раньше сдохнуть просто не было времени,

А теперь стало незачем.

Вот и всё.

ЧТО-ТО С ЗЕРКАЛОМ

Поговори со мной, как ты умеешь,
Как бы ни о чём,

Теми самыми словами,
Раздвигающими пустоту
И лечащими все болезни.

Я хотел расспросить тебя про
Сто волшебных миров,
В которые мне никогда не попасть,

И про пружину в сердечных часах —
долго ли ей осталось?

И может быть, ты знаешь, как такое могло
выйти?

Я про любовь,
Растворяющуюся в нежности
И оттого бессильную,
Приводящую к немоте.

Про мир, который я теперь вижу
Твоими глазами.

И про все мои попытки от этого избавиться,
Заранее обречённые на провал.
Которые я всё-таки почему-то не оставляю.

Словом, про всё то, что ты давно знаешь
И о чём я никогда не заикнусь вслух.

И если даже я всё это придумал
Или ты будешь утверждать — ничего такого
не знаешь, —

Пусть так!
Давай просто поболтаем немного.

В ПОИСКАХ

В поисках лекарства от любви
Чего только не перепробовал.
Практически изо всех склянок.

Но с каждым новым ядом
Любовь становится только
острее, тоньше, нежнее.

Того гляди всё внутри
переломится, рассыплется, разорвётся.
Интересно знать, долго ли ещё так?..

НЕ МЕТАФОРЫ

Это не метафоры, так — слова
Бьются по душе, сыпется зола,
И ещё рифмуется — голова,
Но я рифмы легкие не терплю.

Дождик с неба — полные рукава.
Намокает жухлая дурь-трава.
Может, в этот раз ты была права
И «люблю» рифмуется с «не люблю».

ВОЙНА ПОЛОВ

Какая-то опять война полов.
Над городом свершенно скисло небо,
А ты твердишь, что в доме нету хлеба
И что не любишь графоманских снов.

Ищу любви... хотя бы и твоей.
Конечно, тут возможны варианты.
Не говори мне только про брильянты —
Давно я пропил всех твоих друзей.

ПОЧТИ ДЕТСКОЕ ПРО ЛЮБОВЬ

Смотри на меня, пожалуйста,
Я тут засиделся в потёмках,
И сердце так сладко сжалось
И прыгает гадким утёнком.

Забудь про разные разности,
Про всякие несовпадения,
Несхожие будни и праздники,
Маёвки и дни рождения.

Я знаю всё и не жалуясь,
Но взгляд отвести невозможно.
Смотри на меня, пожалуйста.
Ну если тебе не сложно...

СУМЕРКИ

Вот опять наползает рябая тоскливая тьма,
Кое-где пронзённая иглами жёлтых огней.
Новых слов не собрать, а старых — давно
нема,
Вот и юзаю пиджн-рашн. Невозможно
не думать о ней.

Невозможно стоять, невозможно лежать
и идти,
Невозможно придумать чего-то, что перебыёт
тоску.
Чем банальней сюжет, тем трудней от него
уйти.
Пистолет не нашёл, поднёс огурец к виску,

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

Она любит того, кто играет словами,
Ну а он млеет с той, что грудь за версту,
Ну а та, с большой грудью (ещё и с ногами),
Чешет свой имплантат и глядит в пустоту.

А на улице ветер, в цене падают баксы.
Кто шустрей — купит евро, кто умнее — юань.
Она любит его, он купил томик Маркса
Или Зомбарта, в общем какую-то дрянь.

БАЮЛЬНАЯ ПЕСНЯ ДЛЯ ПАПАШИ ФРИКАДЕЛЯ

Когда-нибудь

Где-то между началом и концом пути

(безразлично куда ведущим: Из МСК в СПб,
из Читы в Хабаровск или из Барселоны в
Парагвай), —

так вот, когда-нибудь

Рано или поздно даже самый бестолковый
путник начинает понимать, что

Дорога находится не вовне, а внутри него.

Твоя дорога устлана камнями со сложными узорами: возле каждого булыжника можно сидеть сутками, разглядывая слюду и кварц.

С одной стороны: ничего нового. Но при этом ни один узор в точности не повторяется дважды.

Так живут и умирают настоящие геологи — их засасывает на Ту Сторону какой-нибудь полевой шпат или редкий сланец, и там они существуют до той поры, пока гора не рассыплется в пыль.

Хотя всё что им позволено на Той Стороне: это моргнуть один раз в год на Ивана Купалу.

Её Дорога — это бесконечная череда лестниц, вытянутых в огромную конструкцию:

то ли пирамиду, то ли просто столб
наподобие колонны Траяна,

опоясанную снаружи и внутри лестницами и
ещё всякими чудесами техники,

способными поднять людей на самый верх

(куда, собственно, все и стремятся попасть,
причём каждый хочет это сделать раньше
других).

Но штука в том, что там наверху есть один
шарнир, который...

Словом, когда его увидишь, сразу поймешь,
что вся эта колонна —

только верхняя половина огромных
песочных часов.

И когда кто-то, всё-таки преодолев все
препятствия и

нарушив всё, что можно и нельзя,

добежит до верха, то...

крак-крак... рычаг повернётся, шарнир
скрипнет и

Она вместе с другими такими же бедолагами,

мелодично посвистывая на лету,

окажется на Той Стороне, в самом что ни на
есть низу.

Ты можешь мне не верить, но чаще всего
такие вещи происходят как раз на Ивана
Купалу.

Поэтому вы встретитесь очень скоро, хотя
я знаю, что ты боишься этой встречи. Она,
кстати, тоже.

Потому что прошлое не вполне умерло, да и
не умеет Время умирать,

а когда вы были вместе, Время текло иначе
и вам было позволено больше, чем всем
остальным людям.

Всё это, конечно, в прошлом, но предвижу, что разговор предстоит непростой.

Я тоже буду там, но, честно говоря, меня меньше всего волнует, что вы скажете друг другу.

Просто в прошлый раз, когда мы были вместе, кто-то из вас попёр мой волшебный чайник, который умеет делать из чёрного чая белый, а из зелёного — красный.

Это само по себе неприятно, да к тому же я договорился его сменять на платок из перьев Настоящего Ангела.

Так что прости, но расслаживаться будет совершенно некогда.

Если только в другой раз.

Когда-нибудь.

СОДЕРЖАНИЕ

(ЗИМА) БЕЛАЯ ТЕМНОТА

Танец бешеной лягушки.....	5
Письмо для отправки зимой.....	7
Письмо от Кая.....	8
Почти взрослое про любовь.....	10
Белая темнота.....	11
Баюльная № 1.....	12
Прощание с зимой.....	14

(ВЕСНА) ХРОНОГРАФ

1988 — Потерянный танец.....	17
1989 — Фадо, фондю и метрополитен.....	19
1990 — Заветы Ильича.....	21
1991 — Письмо о солнечном зайчике.....	23
1992 — Зеркало.....	24
1993 — Так вышло.....	26
1994 — Колыбельная.....	27
1995 — Портрет.....	29
1996 — Старая сказка.....	31

1997 – Майское	35
1998 – Сын ошибок трудных.....	37
1999 – Чаепитие.....	38
2000 – Осторожнее с огнём	40
2001 – Riders on the storm-2	41
2002 – Дизель-электропоезду	44
2003 – Отвлечённые размышления о девах.	46
2004 – Я теперь вода	48
2005 – Сплачь.....	50
2006 – Письмо об умершем верлибре.....	52
2007 – Чувилову Алексею	54
2008 – Сон про волшебные серёжки.....	57
2009 – К Ю. А.....	59
2010 – Замкнувший электровеник	61

(ЛЕТО) АДРЕСНЫЙ СТОЛ

Ул. Годовикова, д. 3 (Блюз для Папаши Фрикаделя)	65
Ст. Перловская Ярославского направления МЖД (интимно-японское).....	68
Комсомольская площадь, д. 3.....	69
Каретный ряд, д. 3 (Сад Эрмитаж).....	73
Лучников переулок (весь).....	74
Камергерский пер., д. 2 (Дождь в кафе)	76
Проспект Мира, д. 120	77

Проспект Мира, д. 99 (Коварной).....	80
ул. Милашенкова, д. 13.....	81
Смоленский бульвар, д. 3/5	84
Садовая-Каретная, д. 2	85
ул. Константинова, д. 5	88
Комсомольская площадь, д. 4.....	90
Садовая-Черногрязская, д. 16	91
ул. Покровка, д. 6	93

(осень) Война полов

Небольшая просьба напоследок	97
Чак Моль.....	98
Хокку знает что.....	100
Признание.....	101
Что-то с зеркалом.....	102
В поисках.....	104
Не метафоры	105
Война полов	106
Почти детское про любовь.....	107
Сумерки.....	108
Политическая экономия	110
Баюльная песня для Папаши Фрикаделя	111

Дмитрий Адамидов

Замкнувший электровеник

Иллюстрации *Ф. Владимиров*
Корректор *И. Яковенко*
Компьютерная верстка *И. Якульская*

Подписано в печать 30.09.11 г.
Формат 60×90/32. Бумага офсетная.
Гарнитура «Petersburg». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 3,75. Уч.-изд. л. 2,4. Тираж 1000 экз.

Международное общество А.П. Чехова
Союз писателей-переводчиков
Московская городская организация
Союза писателей России

Директор издательского проекта МГО СП России
Гриценко Александр Николаевич

9 785794 900057 >

